

Блистательно сыграв в фильмах «Брат» и «Брат-2», Виктор Сухоруков в сознании зрителей и режиссеров задержался как уголовно-криминальный типаж. Отбиваться от этого стереотипа он начал еще с фильма «Золотой век» Ильи Хотиненко: он стучался в умы людей, пытаясь доказать, что может быть другим. Даже в «Антикиллере», в этом зверином персонаже, он прошался с криминалом. Играя на оголенных нервах, на котурнах, он создал inferнальный образ, символ, знак, а не конкретного человека. И вот в скором времени в московский кинопрокат выйдет фильм «Бедный, бедный Павел», где мы увидим Сухорукова-императора, погибшего от предательства. Гениальностью и личной симпатией к Павлу пронизана эта игра.

— Виктор Иванович, что подтолкнуло вас к мысли стать актером?

— Мое детство, юность и армия — все было подчинено тому, чтобы стать актером. Артистом я был с детства. Я подражал Клавдии Шульженко, Татьяне Дорониной, Анатолию Папанову, Юрию Никулину. Я копировал всех. Мое детство прошло под возгласы моих друзей и близких: «Ну, артист! Быть тебе артистом!» Но, когда подошел срок «идти в артисты», появились сомневающиеся.

Я кидался во все кружки. Услышу информацию: «Актер должен уметь плясать», — метнусь в танцевальный; «Актер должен садиться на шпагат» — бегу в акробатический. И только жизненные, бытовые обстоятельства корректировали мои походы во всевозможные кружки: где меньше требовалось денег (или вообще бесплатно), туда и шел.

Удивительно, как сегодня не хотят идти в армию. Наверное, сейчас армия другая, впрочем, как и страна. А я в армию пошел с удовольствием, с радостью. Я знал, что и в армии буду готовиться к театральному делу. И не просчитался: подготовил репертуар, учил стихи, поставил себе голос, разобрался, что мне интересно читать и как это читать. Все полтора года я выступал перед своими ребятами курсантами, апробировал свой репертуар на солдатской аудитории. Хорошим ли я был солдатом? Да замечательным: меня наградили всеми мыслимыми и немислимыми наградами, а благодарственное письмо, которое по уставу положено посылать родителям один раз, моим посылали дважды. Правда, праздная дембель, мы здорово напильсь. И прощаясь с командиром, я услышал от него: «Сухоруков — ты свин!»

— А как прошли студенческие годы в ГИТИСе?

— Странно, но студенческие годы пролетели незаметно. Может, потому, что они были самыми яркими и стремительными — по событиям, делам, любви. Помню, как от своего художественного руководителя, который меня принял в институт, я получил в спину фразу: «Он либо ненормальный, либо гениальный». А и то и другое было отпечатано на моем лице. Я кипел. Мне порой самому казалось, что я не человек, а костер.

Жизнь, прожитая в Петербурге, пролетела как одно мгновение. А вот армия оставила самые яркие воспоминания. К поступлению в ГИТИС я готовился самостоятельно. Я пришел к выводу: что бы ни

случилось — победа или поражение, — это будут только мои победа и поражение. Винить мне будет некого.

— Значит, в вашем случае неуместно говорить, что Сухорукова кто-то открыл?

— Легенд, кто меня делал, ходит много. Кто начал Сухорукова? Кто открыл сегодняшнего Сухорукова? Кто вложил в него свой кирпичик? Да никто. Я сам. И коньяки не выставлял, и цветы не дарил. Не было и других порочных походов для достижения цели. Этим самым я заявляю ог-

— Вокруг фигуры Павла I и его смерти бьют массу версий. Какую выбрал Мельников?

— Действительно, версий много. Вы знаете, я из следователя Павла Петровича превратился в адвоката его персоны. Бедного царя обнаружили измороженным так, что не было лица. Его двое суток штопали, зашивали и гримировали. Цирюльник менялся за цирюльником — они падали в обморок от ужаса. Чтобы превратить лицо в такое месиво, в ход шло все: каблук, кулаки, зубы, острые и ту-

Виктор СУХОРУКОВ:

Я ЗВЕЗДА своего подъезда

ромному количеству молодежи: чтобы достичь цели, необязательно совершать что-то противозаконное и противоправное.

— Как долго, сыграв очередную роль, вы находитесь во власти своего персонажа?

— Пока не появится новая интересная работа, которая вытеснит ощущения и чувства от старого. Ведь даже самые счастливые минуты вытесняются другими событиями.

Павел I меня изрядно помучил. Но и обогатил, просветил. Он даже мыслить меня иначе научил. Я до сих пор думаю о нем.

— Изменился ли Павел I, выписанный в сценарии Виталия Мельникова, когда за этот образ взялись вы?

— Мое присутствие дополнило сценарий, обогатило картину. Это слова самого Мельникова. Потому что к своей работе я отношусь очень добросовестно и честно.

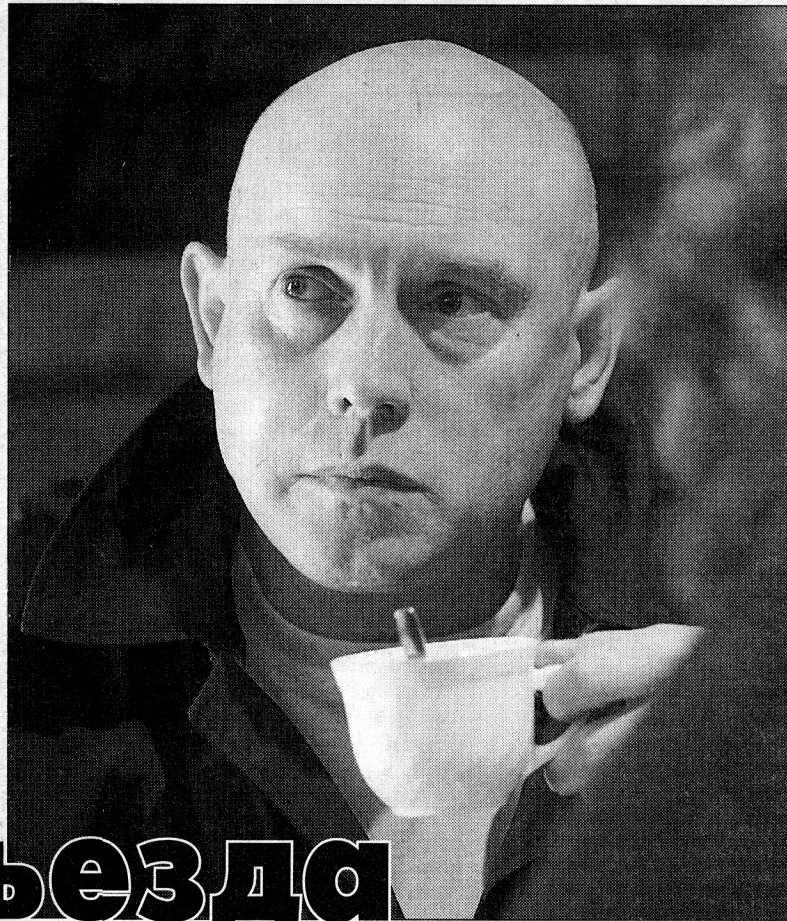
Фильм — рассудительный, философский, разговорный. Мы много говорим, смотрим друг на друга. Стычек и столкновений — нет. В самом сюжете нет внешней увлекательности. И мы с Олегом Янковским (он играет графа Палена) это знали. Нам не хватало развития, не доставало сцен, которые двигали бы Палена к заговору, а меня, Павла, — к гибели.

пые предметы. Чем больше они его били, тем больше превращались в зверей. Преступники были в пьяном угаре, да и страх подгонял их: вдруг встанет, вздохнет или глаза откроет. Мельников показал в фильме версию массового убийства помазанника Божьего, который и не сопротивлялся вовсе.

— Был ли Павел слабоумным и душевнобольным?

— Это информация тех людей, которые убили Павла или были причастны к преступлению. Ведь таким образом они оправдывались: они якобы убивали бракованного, ненужного человека. Если бы Павел был действительно ненормален, то матушка давно бы заперла его в лечебницу. Но этого не происходило. Вместо этого цесаревич Павел с женой ездил по Европе, общался с королевскими дворами. И у всех за границей о Павле сложилось впечатление как о человеке умном, талантливом, знающем языки, военное дело и историю своей страны и обладающем чувством юмора.

Его пачкали и представители царизма, и при советской власти. Он был неугоден и тем, и другим. Мельников попытался показать Павла с тех сторон, которые не охвачены даже у Дмитрия Мерез-

ковского (по его пьесе «Павел Первый» и снимался фильм), — на основе документов, версий и наших предположений.

— Костюмы в фильме соответствуют исторической правде?

— Историческая правда костюма соблюдалась неукоснительно. Над этим постаралась художник Лариса Конникова, весьма щепетильная и дотошная в своем деле. У нас были и специалисты по геральдике, знатоки знаков отличия, орденов, лент и т.д.

Именно костюм поддержал мое желание сыграть императора породистого. Он помог мне почувствовать себя императором, показать его культуру и белую кожу.

— Где происходили съемки?

— Нам помогали почти все дворцы и музеи. Мы снимали в Павловске, в Пушкине, Гатчинском дворце. А вот в Эрмитаж нас не пустили. Директор музея Михаил Пиотровский не позволил там снять всего лишь два эпизода. Хотя когда Александр Сокуров снимал «Русский ковчег», ему разрешили запустить туда тысячную армию актеров и технику. Почему старейшего, заслуженного режиссера Виталия Мельникова не пустили? Мне непонятно.

четыре съемочных дня в одной роли я сыграл и любовь, и ярость, и интригу, и сумасшествие! Убежден, что третья серия — «Роман с наркомом» будет лучшей. Да и по сюжету она увлекательна. Ну представьте себе: нарком в колготках, лосинах и балетном костюме Зигфрида танцует «Адажио», а потом хватается вилку и... А что он делает с этой вилкой, увидите на экране.

— Известно, что вы принимали участие в сериале по мотивам произведений Шукшина «Ораторский прием», сыграв Малофейкина?

— Так и есть. Фильм уже давно снят. Но куда картина делась — это надо спросить у ее режиссера Аркадия Сиренко. Завершились съемки фильма Ренаты Литвиновой «Богиня», где я играю отца героини.

Сейчас в кино не снимаюсь. Занят в спектакле по пьесе Ивана Шмелева «Человек из ресторана» театрального агентства «Богис». Здесь в свое время были выпущены спектакли «N (Нижинский)» с Олегом Меньшиковым, «Башмачкин» с Александром Феклистовым. А в спектакле Владимира Мирзоева «Лир» в театре им. Евгения Вахтангова играю шута.

— Как вы относитесь к понятию «звезда»? И что думаете в этом смысле о себе?

— Чем больше моя востребованность, тем больше я понимаю, что популярность, звездность, слава — это все обман, иллюзия, неправда. Сами люди облачают себя в определенную оболочку, замыкаются, создают искусственную недоступность, изоляцию — лимузины, телохранители. Это шоу. Продолжение игры. А я не играю в жизни. Мне достаточно тех ролей, которые мне выдают драматурги. Да и роли Виты Сухорукова мне вполне хватает. Я звезда своего подъезда. Национальный герой города Орехово-Зуево. Там меня и таксисты бесплатно подвозят домой, и в любой пирожковой бесплатно поят чаем, и в мэрии без очереди оформляют справки. Я достиг определенного уровня почитания.

Но это все в Орехово-Зуево. За его пределами я среднестатистический актер. Я занял свою нишу в искусстве. «Ниша»? Ну и определение! Чувствуешь себя кирпичиком. Нередко думаю о том времени, когда появлялись новые сюжеты, новые герои и я больше не буду нужен. Я на экране-то появился в 40 лет. Значит, до этого времени Витя Сухоруков был не нужен. Во время перестройки, смуты, тяжелой суеты мне сказали: «Вы знаете, почему Сухоруков популярен? Каково время — таковы и герои». Я и на это ответил, попереживав: «Если я на какой-то момент олицетворил свое время, значит, жизнь прожил не зря».

Беседовала Анна ДЫМКОВЕЦ.